

Хазиева Айгуль Ахсановна

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СЛОВАРЯ М. КАШГАРИ "ДИВАНУ ЛЮГАТ-ИТ-ТЮРК"

Словарь М. Кашгари "Дивану люгат ит-тюрк" является богатейшим источником для изучения истории, культуры, быта и языка современных тюркских языков, к которым относится и башкирский язык. В Диване зафиксировано огромное количество лексических единиц, автором описаны способы словообразования в тюркских языках, в качестве примеров приведены стихотворные, фольклорные материалы того времени. Автором данной статьи проведена серьёзная работа по исследованию религиозно-мифологической лексики древнего памятника, дан сравнительный анализ употребления древних словоформ в современном башкирском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 167-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.141

Словарь М. Кашгари «Дивану люгат ит-тюрк» является богатейшим источником для изучения истории, культуры, быта и языка современных тюркских языков, к которым относится и башкирский язык. В Диване зафиксировано огромное количество лексических единиц, автором описаны способы словообразования в тюркских языках, в качестве примеров приведены стихотворные, фольклорные материалы того времени. Автором данной статьи проведена серьёзная работа по исследованию религиозно-мифологической лексики древнего памятника, дан сравнительный анализ употребления древних словоформ в современном башкирском языке.

Ключевые слова и фразы: религиозно-мифологическая лексика; лексика словаря М. Кашгари «Дивану люгат ит-тюрк»; древнетюркский язык; диалект; сравнительно-историческое изучение лексики; современный башкирский язык.

Хазиева Айгуль Ахсановна

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа
Ayhaz@yandex.ru*

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СЛОВАРЯ М. КАШГАРИ «ДИВАНУ ЛЮГАТ-ИТ-ТЮРК»

«Дивану люгат ит-тюрк» М. Кашгари был создан в конце XI века. Сам автор во вводной части своего труда говорит, что причиной написания словаря явился невероятный подъём тюрков в военном и политическом аспектах. В их руках находились бразды правления обширнейшими территориями в Азии, Африке и Европе. Соответственно, и тюркский язык получает такое широкое распространение, что он в состоянии конкурировать с языком священного Корана – арабским. Исчезнув на несколько веков, Диван появляется только в XX веке и уже не в оригинале. Судьба оригинала для исследователей пока остаётся загадкой. На сегодняшний день копия, найденная в 1914 году, хранится в Национальной библиотеке в Стамбуле. Примерно с этого времени и начинается изучение этого бесценного памятника древнетюркской письменности. Древний словарь становится объектом исследования для учёных разных стран. В своё время его изучал К. Броккельман [22], Б. Аталай [23]. Из современных исследователей неопределимый вклад внес Р. Аскер [24].

В России способствовали публикации Дивана и исследовали его Т. А. Боровкова [4], А. Н. Кононов [8], Д. М. Насилов [12], узбекский учёный С. Муталлибов [11]. Из русских учёных также большой вклад в изучение Дивана внесли С. Е. Малов [9], Э. Р. Тенишев [16], А. М. Щербак [20].

В башкирском языкознании словарь М. Кашгари целенаправленно никем не изучался, но есть учёные, в трудах которых в большей или меньшей степени Диван нашёл отражение, например, Т. М. Гарипов [5], К. З. Ахмеров [1], Дж. Г. Киекбаев [7], Э. Ф. Ишбердин [6], З. А. Хабибуллина [18] и другие.

В период написания «Дивану люгат ит-тюрк» тюркские племена уже были приверженцами ислама. С его распространением среди башкирских племён произошёл постепенный отход от языческих и тенгрианских воззрений. На первый план вышли мусульманская философия, обычаи и язык священной книги мусульман – арабский. Естественно, произошла и смена понятийного аппарата, религиозной лексики. Как известно, ислам – это образ жизни. Религия сопровождает мусульманина ежесекундно, она пронизывает все стороны человеческой жизни, будь то семейная жизнь, работа, воспитание детей, приготовление пищи, сон, вплоть до способа стрижки ногтей и так далее. Из арабского языка в обиход пришла лексика, которая и поныне активно употребляется приверженцами ислама. Какое-то время эта группа слов считалась архаичной, устаревшей, но даже в советские времена, когда религия была под негласным запретом, существовала категория людей, для которых религиозная мусульманская лексика всегда была активной. Эти люди являлись, по сути, хранителями как самих ценностей ислама, так и его словарного богатства. Надо отметить, что не вся религиозная лексика была заимствована из арабского языка.

Автор древнего словаря тоже был мусульманином. Текст своего сочинения Махмуд Кашгари начинает похвалами Аллаху и пророку Мухаммеду, как было принято добропорядочному мусульманину, затем представляется сам и добавляет к личному имени имена отца и деда: «И сказал раб божий Махмуд ибн аль-Хусейн ибн Мухаммад» [10, с. 55]. Как истинный мусульманин опирается на хадис (вещные слова пророка Мухаммеда): «Я слышал от одного авторитетного знатока из имамов Бухары и ещё от другого имама из жителей Нишапура – и оба они указывали на цепь передатчиков, восходящих к Пророку, да благословит его Аллах и дарует ему мир: когда [пророк Мухаммед] рассказывал о знамениях [судного] часа и смута конца времени, он упомянул о появлении тюрков-огузов и сказал: “Изучайте язык тюрков, ибо их правление будет долгим”» [Там же]. Затем добавляет: «И теперь, если этот хадис верен – а ответственность за его [достоверность] пусть ляжет на них обоих (имамов), – тогда изучение его (языка тюрков) есть долг перед верой, а если он не верен, [всё равно] мудрость требует этого». Также говорит: «Я расположил их [слова] наилучшим образом и, обращаясь за помощью к всевышнему Аллаху, создал... эту книгу...»; «Господи, даруй мне успех в моём старании; на Него я уповаю, ибо нет другой власти и нет другой силы, кроме как у Господа Всевышнего: Он – источник нашего удовлетворения и наш лучший защитник»; «Нет могущества и силы,

кроме как у Аллаха, превысокого и великого». Упомянув имена пророков, он говорит: «...да будет над ним благословение Аллаха» [Там же, с. 56, 58]. И таких примеров в словаре множество.

В Диване имеется большое количество слов, относящихся к религиозно-мифологической лексике. Например: *teñri [тенгри] ~ тәңре*.

В «Дивану люгат ит-тюрк» данное слово употреблялось в значении 'всевышний': *Toyin tapıǵsak, Teñri sefinçsiz* 'Тюрки-немусульмане будут поклоняться Всевышнему, но Тенгри не будет доволен' [23, т. 3, с. 377]. Данное выражение употребляется и в случае тех, которые думают, что делают людям добро, но на самом деле совершают пакость. Имеется ещё такой стихотворный пример: *Tün küñ tapın, Teñrike boynamagıl; Korkıp añar eymenü oynamagıl* 'День и ночь Аллаху поклоняйся, молись, трепещи, будь стыдлив и не возгордись' [Там же]. Грешники-неверные небо называют Тенгри. Так же они называют всё большое – и дерево, и гору, более того, ещё и поклоняются им. Также словом Тенгри называют и учёных. Да упасёт нас Аллах от таких грехов. То есть Махмуд Кашгари, будучи истинным мусульманином, предостерегает нас от греха называть небо Тенгри, тогда как тюрки доисламской эпохи словом Тенгри называли и небо, и Бога. В исламе во время чтения молитвы, намаза, сур Корана нельзя поднимать глаза к небу, поскольку думать, что Аллах находится на небесах и оттуда наблюдает за людьми, является харамом – большим грехом. В учении ислама Аллах находится везде, во всём и в каждом, и ни в коем случае нельзя представлять его в каком-либо облике, сидячим и с тому подобными характеристиками, присущими людям.

Данная лексема многократно встречается в «Дивану люгат ит-тюрк», например, *Ol teñrike kertindi* 'он верил в Аллаха', *teñri küli kulbak* 'раб Аллаха Кулбак', *uluyluk teñrike* 'величие подобает Аллаху', *Ol teñrike kertgünsedi* 'он намеревался уверовать в единство Аллаха', *Teñri meni ayırladı* 'Всевышний оказал мне милость', *Teñri andağ tiledi* 'так повелел Аллах'.

В современном башкирском языке *тәңре* – 1) бог, всевышний; 2) небо [3, с. 664]. Поскольку данная лексема относится к довольно специфичной и узкой лексико-семантической группе, неудивительно, что оно за многие века своего употребления не расширило семантики. Известно, что башкиры задолго до ислама исповедовали тенгрианство, которое восходит примерно к III веку до нашей эры. Тенгри был верховным божеством древнетюркского пантеона. Он распоряжался происходящим в мире, предопределял человеческие судьбы, устанавливал каждому определённый срок жизни. В современном башкирском языке под понятием *тәңре* уже подразумевается отнюдь не небо и не бог неба, а оно является синонимом слова *Аллах*. Параллельно употребляется слово *хозай*. В «Мифологическом словаре башкирского языка» данное слово зафиксировано в следующих значениях: I. Небо, небесный свод. II. Бог, Всевышний, божество [19, с. 318].

В башкирском языке также есть выражения *Тәңре көзрәте* 'сила, мощь Тенгри', *Тәңре кунагы* 'нежданный гость'; в мифологии человек, направленный *Тәңре*, или он сам, принявший облик человека, *Тәңре хақы* 'доля, право Тенгри'. Также имеются антропонимы: *Тәңребирзе* буквально означает 'данный Тенгри'; *Тәңрегол* буквально 'раб Божий' [Там же]. В диалектной речи употребляется выражение *тәңере булыу* (ср. г. – средний говор южного диалекта башкирского языка) 'возгордиться' [2, с. 349].

В устном народном творчестве башкир бытуют поговорки *тәкә мөгөзө тәңрегә теймәс* 'рога козла не достанут до неба'; *күрше хақы – тәңре хақы* 'добрососедство свято'; *йүгерек атка менгән тәңреһен оһотор* 'залез в богатство – забыл и братство'; *йәне көйгән тәңреһен каргаган* 'отчаявшийся бога прокликает'; *тәккәберзән тәңре бизгән* 'бог не любит гордецов' и другие [21, с. 513].

Таким образом, башкирское слово *тәңре* восходит к древнему *teñri* 'небо; Бог, божество'. Оно сохранило древние значения; значение *небо* более древнее, но оно не употребляется; *Тәңре* – синоним слова *Аллах*, хотя и не имеет широкого употребления [15, с. 627].

karıyış [каргыш] ~ каргыш

В «Дивану люгат ит-тюрк» приводятся такие примеры употребления лексемы проклятие: *teñri karıyış anıñ üze* 'проклятие Аллаха на нём', *teñri anı karıyadı* 'Аллах его проклял', *karıyış kişi* 'проклятый человек'.

В современном башкирском языке слово *каргыш* употребляется и поныне в значении 'проклятие': *кара каргыш* 'черное, злое проклятие'; *каргыш алыу* 'быть проклятым' [3, с. 353].

Что касается этимологии, то слова *карга-*, *каргы-* производны от *kar-* 'проклинать, ругать за спиной'. М. Расянен считает, что *карга-* можно сопоставлять с монгольским *garija-* 'ругать, бранить, проклинать' [13, с. 305].

Данная лексема имеет широкое употребление в устном народном творчестве башкир. Есть такие понятия, как *каргыш алыу* 'быть проклятым', *каргыш кайтарыу* 'возвращение проклятия при помощи особых заклинаний', *каргыш төшөү* 'сбыться проклятию' [19, с. 178].

В народе бытуют пословицы и поговорки: *эт каргышы бүрегә йокмәс* 'собачье проклятие на волка не действует'; *кешене каргама, каргышың үзәң төшөр, каргыш уртак булыр* 'проклинай другого, проклинаешь и себя'; *каргыш алма, алгыш ал* 'собирай не проклятия, а благодарность'; *ил-йортоңдо яманлама, каргышына калырһың* 'не ругай свой род, удостоись их проклятия'; *етемгә каргыш төшмәй* 'на сироту проклятия не падут' и другие [21, с. 338].

Как видим, семантика слова полностью сохранена без изменений, оно находится в активном употреблении.

tapıy [тапуз] ~ табынуу

Во времена древних тюрков данная лексическая единица употреблялась в значении 'служение, повиновение': *teñri tapıy* 'служение Аллаху'. К глаголу *tap-* 'поклоняться' приведён следующий пример - *kul teñrike tapı* 'раб поклонялся Аллаху'.

В современном башкирском языке *табыныу* имеет такие значения: 1) поклоняться/поклонение *Аллага табыныу* 'поклонение Богу', *утка табыныу* 'поклоняться огню'; 2) преклоняться (переносное) *лирикага табыныу* 'сильно любить лирику' [3, с. 575].

Этимология данного слова восходит к общетюркскому *tap-* 'поклоняться', 'преклоняться', 'служить'. Современное башкирское слово образовано при помощи аффикса *-ын*.

Эта древнетюркская лексема также активно используется в живом народном языке, например, есть такие выражения: поклоняться (Богу, идолу, тотемам); *һыуга табыныу* 'поклоняться воде', *утка табыныу* 'поклоняться огню'; пословицы и поговорки: *һәр кем үзенсә табына, үзенсә абына* 'всякий молится и ошибается по-своему'; *әҙәм булһаң, аксага табынма, түрәгә ялынма* 'деньгам не поклоняйся, перед начальством не унижайся'; *ятка ялынма, әҙәмгә табынма* 'у чужого ничего не проси, перед людьми не преклоняйся' [21, с. 448].

Можно сделать вывод: семантика древнего слова сохранена, наблюдаются фонетические, морфологические и словообразовательные изменения, происходившие в процессе исторического развития.

устак [учмак] ~ ожмах

М. Кашгари к употреблению данной лексемы приводит поэтический пример:

türliǵ çeşek yazıldı törle sәskәlәр язылды (асылды) 'раскрылось множество цветов',
baçın yadһım kerildi ebәktән келәм ябылды 'расстелился шелковый ковер',
uçtaк yeri köridi ожмах ере күренде 'показалось райское место',
tımlıу yana kelǵısüz һыуык киренән килмәс 'холода больше не вернутся'.

В современном башкирском литературном языке лексема имеет одно значение 'рай'; *ожмах кеуек* 'как в раю' [3, с. 469].

Параллельно с данным словом в значении *рай* также употребляется *йәннәт*, которое является заимствованием из арабского языка.

Возможно, что данное слово *устак* является заимствованием из согдийского языка, более ранняя форма *уштмах*. Также можно связать с древнетюркской основой *уч-* 'отлетать/умирать'. К. Броккельман не согласен с этой версией, поскольку в тюркских источниках имеются формы *uçtmaq, uçtmah*. Г. Вамбери придерживался мнения, что древнее *устак*, зафиксированное М. Кашгари, восходит к древнеуйгурской форме *уц* 'вершина, верхушка'; чагатайской – *уцтак* 'самое верхнее место жительства' [Цит. по: 13, с. 614].

С данным понятием много устойчивых выражений: *ожмах күлдәге* 'саван' (райское платье) – мифологизированное название, направленное на проецирование попадания души в рай; *ожмах капкаһы* 'ворота в рай'; *ожмах қошо* 'райская птица'; *ожмах нигмәттәре* 'райские яства'; *ожмах түре* в мифологии 'седьмое небо, седьмой слой рая, куда попадают только праведники'; *ожмахка инеу* 'вхождение в рай' [19, с. 235-236]. Древняя лексема встречается в пословицах и поговорках: *катының яқишы булһа, ожмах кәрәкмәй* 'при хорошей жене и рай не нужен'; *ожмах – золом юк ерзә* 'рай там, где нет зла'; *ярлының байыуы ожмахта* 'бедняк разбогатеет только в раю' [21, с. 416].

Следует вывод, что значение древней лексической единицы сохранилось.

tamu [тамук] ~ тамук

В словаре «Дивану люгат ит-тюрк» есть только одно значение 'ад': *tamu kariuın açar tawar тамук ишеген мал асар* 'двери ада открывает неразумно потраченное богатство' [23, т. 3, с. 234].

В современном башкирском языке в прямом и переносном смысле 'ад': *тамук ғазабы* 'адские муки', *тамуктай тормош* 'жизнь как ад' [3, с. 583]. Также в данном значении употребляется арабизм *йәннәм*.

В религиозно-мифологическом смысле тамук обозначает 'преисподняя, состоящая из семи слоев; место, куда направляются умершие грешники'.

Этимология восходит к древнему слову *tamu ~ tamu* 'ад' [19, с. 282].

В народе широко употребляются такие пословицы и поговорки: *тамук киçәүе* 'исчадие ада'; *тамак тамукка индерә* 'брюхо – злодей, до ада доведет'; *атайым йорто һаламдыр – һарай булып күренә, кайным йорто – кабыктыр – тамук булып күренә* 'отчий дом хоть и соломенный – дворцом кажется, дом свёкра лубяной – адом кажется'; *үгәй инәнең яқишыһы – тамук утының сатқыһы* 'даже самая лучшая из мачех – искра адского огня' и другие [21, с. 452].

Семантика древнетюркского слова сохранилась.

yükünç [йүкүнч] ~ намаз

В «Дивану люгат ит-тюрк» эта лексема обозначает 'намаз' по-кыпчакски: *teñrike yükünç yükündi* 'он прочитал ради Аллаха намаз'. Также данная лексическая единица употреблялась в значении 'склонять голову', так как имеется еще один пример от М. Кашгари *ol begge yükünç yükündü ул бейгә баш эйзе* 'он склонил голову перед беком'. В древнетюркском языке *yükünç*, говоря современным языком, обозначало 'то, что возложено' [23, т. 3, с. 375].

Данное слово образовано от корня *yük-* 'возлагать, взваливать'; *вазифа йөкләү* 'возлагать обязанности', *йөкләмә алыу* 'брать обязательство', *аркага йөкмәү* 'навьючить на спину' [3, с. 235]. В башкирском языке существуют несколько слов, производных от этой основы *йөк-: йөкләү, йөкләтеү, йөкмәтеү* 'взваливать', *йөкмәтелеү* 'быть порученным', *йөкмәү* 'взваливать на себя', *йөкләм* 'охапка' [Там же].

Слово восходит к слову *yük*, которое, в свою очередь, как считают исследователи, производно от глагольной основы *yü-* 'носить, вьючить'. Сюда же можно отнести и русское 'вьюк'. Основа *yükün-* имеет значения 'склонять голову', 'опускаться на колени', 'стоять с почтением перед высшим', 'кланяться, скрестив руки на груди', 'молиться', 'совершать намаз', 'почитать', 'приветствовать'. Эти значения связаны между

собой. М. Расянен считает, что *yükün* производна от *yük-ün*, где *yü-k* `груз, ноша`. Интересно, что данное слово употреблялось в парном *tapın-yükün*- `поклоняться` [14, с. 264].

Также слова с корнем *йөк-* употребляются в некоторых диалектах, например *йөкмәйтеу* (ик-сакмарский г.) `навьючить`; *йөкмәүзәу* (айский г.) `надеть котомку через плечо`; *йөктәм* (кизильский, миасский г.) `охапка` [2, с. 124].

В народе бытует выражение *йөклө катын* `беременная женщина`. Данную древнюю лексему можно встретить в составе различных фразеологических оборотов: *өстән йөк төшөү* `гора с плеч`; *йөккә керәү* `взвалить на себя обязанности` [17, с. 252]; а также пословиц и поговорок: *атыңды көсөнә карап йөкләт* `нагружай коня исходя из его сил`; *катыныңды капыл бөкмә, ауырлыгың аркаңа йөкмә* `береги жену, иначе придется все делать самому` [21, с. 243].

В современном башкирском языке сохранено докашгарское значение *yükünç* `возлагать, нагружать`. Древнетюркское значение *намаз* не сохранено, однако намаз – это `то, что возложено на человека Аллахом`.

акшам [акшам] ~ *акшам*

Во времена М. Кашгари это слово так же, как и сейчас, употреблялось в значении `время заката`.

В современном башкирском языке имеет только одно значение `сумерки`; *акшам вакыты* `вечерние сумерки`, *акшам намазы* `вечерний намаз` [3, с. 20].

Башкиры придавали большое значение дню и времени для начала какого-либо важного дела, определявшего их судьбу, поэтому они никогда не начинали ничего ближе к сумеркам или на убывающую луну. Утро, день и полнолуние, напротив, были удачными для начинаний. Башкиры верили в судьбу, но это отнюдь не означало, что они не принимали мер безопасности. Есть выражение *киске акшам*. У башкир и в древности, и сегодня сумерки являются опасным временем суток для выполнения каких-либо дел. В то же время данная часть суток считается благоприятным для проведения магического лечения с помощью нашептывания [19, с. 20, 145]. Издавна башкиры считали, что именно в сумерках происходит разгул нечистой силы, поэтому в определённые часы акшама нельзя спать, так как можно серьёзно заболеть. Особенно чувствительны к этому маленькие дети. Также нельзя начинать никаких дел. В этом отношении древние поверья башкир перекликаются с мусульманскими поверьями, мусульманам даже не рекомендуется читать намаз за сорок минут до заката.

Лексическая единица *акшам* считается заимствованием из иранских языков. П. Хорн его рассматривает в сравнении с позднеавестийским *xšafnua* `ночь, вечернее время`, Бартоломео связывает его с новоперсидским *šam* `вечер, ужин`. Из всех данных следует, что начальное *a-* в тюркских языках восходит к позднеавестийской форме *a-xšapan*, но более вероятна связь с согдийским **šsp-*. По мнению Ж. Дени, этимология *акшам* < *ak* + иранское *šam*. По М. Расянену - *акшам* от древнеперсидского *xšapan* [13, с. 207]. Есть поговорка: *акшам вакыты – ашам вакыты* `сумерки – время еды` [21, с. 27]. Можно сделать вывод: семантика древнетюркского слова *акшам* сохранена.

Как видим, все рассмотренные древнетюркские лексемы сохранили свою семантику.

Список литературы

1. Ахмеров К. З. К вопросу о характере и лексическом составе ранних письменных памятников Башкирии // Башкирская лексика. Уфа, 1966. 140 с.
2. Башкорт теленек диалектары һүзлеге. Өфө: Китап, 2002. 432 с.
3. Башкортса-русса һүзлек. Башкирско-русский словарь. М.: Дигора, Рус. яз., 1996. 884 с.
4. Боровкова Т. А. О фонетической терминологии в словаре Махмуда Кашгарского «Дивану лугат-ит-турк» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1966. Т. 25. Вып. 6. С. 528-531.
5. Гаринов Т. М. Махмуд Кашгари и кыпчакские языки Урало-Поволжья // Советская тюркология. 1972. № 1. С. 47-51.
6. Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М.: Наука, 1986. 151 с.
7. Кнекбаев Дж. Г. Хазерге башкорт теленек лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966. 275 с.
8. Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк» // Современная тюркология. 1972. № 1. С. 3-17.
9. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. – Л., 1951. 452 с.
10. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) / под редакцией И. В. Кормушина. М.: Вост. лит., 2010. Т. I. 461 с.
11. Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девону луғотит турк). Индекс-лугат / пер. и подгот. к печати С. Муталлибова. Ташкент, 1967. 543 с.
12. Насилов В. М. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. М., 1972. 102 с.
13. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. Т. I. 767 с.
14. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. Т. IV. 291 с.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1997. 800 с.
16. Тенишев Э. Р. Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский // Советская тюркология. 1973. № 6. С. 54-61.
17. Ураксин З. Ф. Башкорт теленек фразеологик һүзлеге. Өфө: Китап, 2006. 344 с.
18. Хабибуллина З. А. Лексика современного башкирского языка в сравнении с языком древнетюркских письменных памятников (на материале названий, относящихся к животному миру): дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2004. 192 с.
19. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.
20. Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М. – Л., 1961. 204 с.
21. Әхтәмөв М. Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. Өфө: Китап, 2008. 776 с.
22. Brockelmann C. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kaşgaris Divan Lughat at-Turk. Bibliotheka Orientalis. Budapest – Leipzig, 1928. 252 с.
23. Divanü Lügat-it-Türk Tercümesi. Çeviren Besim Atalay. Tt. I-III. Ankara, 1992. Т. I. 452 с.; Т. II. 366 с.; Т. III. 530 с.
24. Ramiz Öskär. Mahmud Kaşğari ve onun “Divanü lügat-it-türk” əsəri. Bakı, 2008. 432 с.

**RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL VOCABULARY
OF THE DICTIONARY BY M. AL-KASHGARI "DĪWĀNU L-LUĠĀT AL-TURK"
("COMPENDIUM OF THE LANGUAGES OF THE TURKS")**

Khazieva Aigul' Akhsanovna

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa
Ayhaz@yandex.ru*

The dictionary by M. al-Kashgari "DĪwānu l-Luġāt al-Turk" ("Compendium of the languages of the Turks") is the richest source to study the history, culture and everyday life of the modern Turkic languages to which the Bashkir language refers. The compendium fixes a great number of lexical units, the author describes the word-formative means in the Turkic languages; the poetical and folkloric materials of the time serve as examples. The researcher conducted a comprehensive study of the religious and mythological vocabulary of the ancient monument, provided comparative analysis of the ancient word-form functioning in the modern Bashkir language.

Key words and phrases: religious and mythological vocabulary; vocabulary of the dictionary by M. al-Kashgari "DĪwānu l-Luġāt al-Turk"; ancient Turkic language; dialect; comparative-historical studies of the vocabulary; modern Bashkir language.

УДК 811.512.1

В статье рассматривается интонация высказываний телеутского языка в сопоставлении с интонацией тюркских языков Южной Сибири (хакасского и теленгитского диалекта алтайского) и других регионов (татарского и якутского). Были выявлены типологически сходные черты, а также обнаружены особенности, выражающие его уникальность в соответствии с теорией об артикуляционно-акустической базе этноса, согласно которой субстратные черты проявляются в качестве отличительных признаков на фоне общих, принадлежащих родственным языкам.

Ключевые слова и фразы: тюркские языки; телеутский язык; интонация; мелодика; языковые универсалии; восприятие речи.

Шестера Елена Александровна

Институт филологии СО РАН

Новосибирский государственный технический университет

elena-schestera@mail.ru

ТЕЛЕУТСКИЙ ЯЗЫК: МЕЛОДИКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Интонация тюркских языков Южной Сибири изучена чуть слабее, чем их вокализм и консонантизм, а в некоторых случаях не имеет описания и вовсе, например тубинского, чалканского, алтайского, а также калмакского и др.

Актуальной задачей для исследователей является определение специфики интонационных систем тюркских языков Южной Сибири в высказываниях различных коммуникативных типов и установление их места в типологической классификации сибирских языков.

Под интонацией в узком смысле понимается мелодика, а именно направление, форма, регистр (или тональный уровень) контура частоты основного тона высказывания и отдельных его участков [1]. Ряд западных исследователей под интонацией подразумевают только мелодику. Такое разночтение в определениях интонации связано с тем, что проявления разных интонационных параметров совпадают, а учитывая то, что частота основного тона оформляет коммуникативный тип высказывания, ей уделяется приоритетное внимание.

Наше исследование было направлено на верификацию гипотезы о том, что интонация телеутского языка соответствует теории «интонационных универсалий», выдвинутой зарубежными фонетистами для типологической классификации языков по интонационным параметрам и в связи с созданием моделей для синтеза речи.

Во многих исследованных языках в завершенных повествовательных высказываниях, произнесенных изолированно, реализуется деκлинация (понижение ЧОТ), а в вопросительных – инκлинация (повышение ЧОТ).

Согласно интонационной модели Х. Фуджисаки [4], контур основного тона состоит из двух компонентов:

- 1) варьируемый фразовый компонент, который может иметь небольшое повышение и затем постепенно понижается в соответствии с линией деκлинации, но может слегка повышаться на синтаксических границах;
- 2) локальные пики, соответствующие ударным слогам слов в предложении.

Данная интонационная модель включает:

1) фразовые команды – ряд импульсов, фразовые компоненты – реакция вторичной (с уменьшенной амплитудой колебаний) системы на эти команды;

2) акцентные команды – ряд постепенно действующих функций, акцентные компоненты – реакция другой вторичной системы на эти команды;

3) акцентные компоненты накладываются на фразовые и порождают изменения основного тона.

Интонационная модель Х. Фуджисаки применялась ко многим языкам. На материале немецкого языка было определено, какие параметры интонационной модели Х. Фуджисаки наиболее важны для классификации типов предложений. В его эксперименте [5] проверялось, в какой зависимости находится восприятие типа предложения от места и амплитуды акцентных команд. В частности, акцентная команда T2 (тон в конце ударного гласного)